

Сказание
о
Рама, Сите
и
летающей обезьяне
Ханумане

Сквѣзѣнчѣ Раме, Ситѣ Четяющей Обезьяне Ханумане

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС
ОБРАБОТАЛ И ПЕРЕСКАЗАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

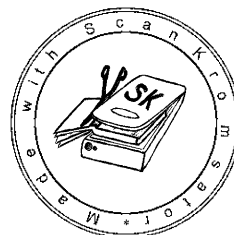
РИСУНКИ М. РОМАДИНА

Научные рецензенты и консультанты:

доктор филологических наук
БАЛИН ВИКТОР ИОСИФОВИЧ,

кандидат филологических наук
ЭРМАН ВЛАДИМИР ГАНСОВИЧ

*Автор также приносит глубокую благодарность
за добрые советы Джай Пракхаш Бхартти
(Индия, Дели)*

Scan AAW

С 4803020000—065 519—86
М101(03)86

Пересказ и обработка для детей. Иллюстрации
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

Предисловие

В далёкой и тёплой стране Индии есть шумный город Мадрас. Очень может быть, мой юный читатель, что, когда ты вырастешь, ты приедешь в него. И тогда, как все приезжающие, ты обязательно пойдёшь на берег океана, где увидишь большие неторопливые волны и редкий лес из деревьев, которые называют казуаринами. Они очень похожи на наши сосны, только иголки у них длинные, гораздо длиннее сосновых. Ещё ты увидишь здесь песок, который тысячами выбрасывают на берег волны.

Так вот, если идти по этому песку много дней, ты придёшь на самый край Индии и увидишь зелёные острова. Небольшие, низкие, они цепочкой уходят от берега в океан и упираются в большую гористую землю Ланку.

То, что острова идут один за другим, и то, что по ним не так уж трудно перебраться на Ланку, делает их похожими на огромный разрушенный мост.

А если ты спросишь индийцев, которые живут здесь, на берегу океана в городках Тутикорин и Мандапам, как появились эти острова, они ответят:

— Это и впрямь остатки моста. Да, да — остатки моста, который построил когда-то Рама. Он построил его для того, чтобы покорить Ланку. Это был великий и трудный поход. Такой великий, что память о нём не изгладится никогда!

Так ты впервые услышишь имя Рамы. И если потом, путешествуя по стране, начнёшь расспрашивать, кто же такой был Рама, то убедишься, что во всей Индии нет ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребёнка, кто не знал бы сказание о Раме, его жене Сите и их друге обезьяне Ханумане.

Мало того, ты убедишься, что никто во всей Индии (а я добавлю, что и во всех прилегающих к ней странах) не сомневается, что из всех великих воинов Рама был самым великим, из всех прекрасных жён Сита — самой прекрасной, а из всех друзей Хануман — самым верным и предприимчивым.

Вот почему я считаю своим долгом рассказать тебе их историю, как она была поведена в древнеиндийском эпосе «Рамаяна».

Я сделаю это, сокращая то, что долго рассказывать, опуская события, способные внушить непреодолимый ужас, и умалчивая о том, что с течением веков перестало считаться успехом или потеряло право именоваться доблестью.

Итак, слушай внимательно.

Святослав Сахарнов

Рама и Сита

Давным-давно в Индии жил могущественный царь — раджа. Он правил богатым и сильным государством, столицей которого был город Айодхья. У царя было несколько жён и несколько сыновей. Самого старшего сына звали Рама, одного из младших — Лакшмана.

Братья очень любили друг друга.

Случилось однажды Раме быть в столице соседнего государства. Проезжая мимо дворца тамошнего раджи, он увидел в одном из окон девушку необычайной красоты.

— Кто это? — спросил Рама у торговок, сидевших возле дворцовых ворот.

— Это Сита, дочь нашего повелителя! — ответили те.

Рама повернул коня, чтобы ещё раз взглянуть на девушку, но, когда подъехал, окно уже было плотно закрыто.

Вернувшись в Айодхью, он рассказал об этой встрече брату.

— Ты знаешь, я полюбил её с первого взгляда! — признался он. — Что делать, Лакшмана? Может быть, рассказать обо всём отцу и матери? Или — нет, мужчине пристало умение ждать...

На том сошлись.

И действительно, вскоре отец Ситы решил, что пришла пора выдавать дочь замуж.

В те далёкие времена в Индии был обычай сваямвар, по которому, для того чтобы невеста могла выбрать себе жениха, в её честь назначались состязания. На них съезжались юноши. Они соревновались в стрельбе из лука, в борьбе, в метании копья.

Победителю, если, конечно, он был ей по душе, невеста надевала на шею венок. Это был знак: она согласна стать его женой.

Как только такая весть достигла Айодхьи, Рама и Лакшмана стали собираться в путь. В назначенный день рано утром они уже въезжали в город, где жила Сита. Здесь всё кипело: повсюду развевались пёстрые флаги, играла музыка, над очагами, где разогревался рис и жарилось мясо, вились сладкие дымки, по улицам то и дело катили украшенные цветами колесницы. С главной площади доносился нетерпеливый гул толпы.

— Как бы нам не опоздать! Давай пришпорим коней! — крикнул Лакшмана.

Они въехали на городскую площадь. Тут уже всё было готово к состязанию: в беседке, украшенной цветами, сидели Сита и её отец, напротив них стояли кучкой приехавшие со всех концов

Индии женихи. Толпа запрудила не только площадь, но и окрестные улицы.

Загремели и смолкли барабаны. Царь встал и сделал знак, требуя тишины.

— Много лет тому назад, — начал он, — за совершённый в честь богов подвиг один из моих предков получил в подарок от всесильного Шивы лук. Он столь тяжёл и крепок, что никто никогда не смог ни поднять, ни натянуть его. Сегодня этот лук будет вынесен на площадь. Тот, кто сможет согнуть его, станет мужем моей дочери. Я сказал.

С этими словами царь важно кивнул слугам, те бросились во дворец и вскоре вернулись, сгибаясь под тяжестью необычной ноши. Увидев, сколь велик лук и как толста его тетива, некоторые женихи приуныли.

Слуги с трудом дотащили лук до середины площади, положили на землю и удалились.

И тогда к нему один за другим стали подходить те, кто добивался руки Ситы.

Сначала силу пробовали самые молодые. Они смело приближались к луку, брались за него, напрягали мышцы, но... пот струился по лицам, руки опускались — никто не смог даже на палец оторвать древко от земли.

Затем выступили женихи постарше. Это были настоящие богатыри. Они неторопливо выходили на середину площади, гордясь своим ростом и силой и прежними подвигами. Некоторым из них удавалось чуть-чуть приподнять конец древка и даже ухватиться за тетиву, но лук снова падал, тетива оставалась недвижимой.

И вдруг в толпе раздался ропот.

Из шеренги женихов вышел чернобородый воин. Его глаза горели жестоким огнём. Он подошёл к луку и без видимого усилия приподнял его с земли. Все ахнули, царь привстал с сиденья, а Сита почувствовала, как страх проникает в её сердце.

— Кто это? — спрашивали друг у друга жители города.

Воин упёр конец лука в землю, ухватился одной рукой за древко, ладонь другой наложил на тетиву. Толстые кривые пальцы впились в неё, мышцы рук напряглись и стали похожи на камни. Тетива начала медленно оттягиваться.

Среди женихов послышались горестные крики.

— Уж не сам ли это Равана-непобедимый? — заговорили в толпе.

Богатырь напряг все силы. Жилы на его лбу вздулись, концы лука начали сближаться. Но... раздался звон, подобный звону сабли, тетива вырвалась из рук, лук распрямился и упал на землю.

И тогда богатырь издал ужасный рёв. Он топал ногами и ревел, как раненый слон. Глаза его налились кровью, облик, до того чёткий и ясный, стал зыбким. Тело потеряло прежние очертания,

вместо одной головы выросли десять, а две руки превратились в двадцать.

— Горе, горе нам! Это и верно Равана, царь ракшасов, демон среди демонов, владыка бродящих ночью, воин, не знающий жалости! — закричали в толпе.

Не успела испуганная Сита разглядеть того, кто чуть было не стал её мужем, как ракшас поднялся в воздух и исчез, как исчезает столб пыли, развеянный ветром.

И тогда на площадь вышел Рама. Он подошёл к луку, медленно поднял его и, разведя могучие плечи, стал натягивать тетиву.

Чёрное, блестящее тяжёлое дерево уступало сильным рукам — тетива всё дальше отдалялась от древка, и наконец лук не выдержал: раздался треск, похожий на удар грома, крыши домов задрожали — лук разлетелся пополам.

Крики радости переполнили площадь.

— Он победил! Слава царевичу Айодхьи! — кричала толпа.

Царь встал, подняв в приветствии руки, а Сита вышла из беседки, приблизилась к Рама и, потупя глаза, надела на его шею венок.

Сыграли свадьбу. Рама вернулся во дворец отца и стал помогать ему править.

Вместе с ним в Айодхью приехала Сита.

Кайкейя

Шли дни. Старый раджа с каждым месяцем чувствовал себя всё хуже и хуже. Наконец настал час, когда он решил передать Раме царство и удалиться на покой.

Но кроме жён, от которых родились Рама и Лакшмана, у раджи была ещё одна — самая молодая — жена по имени Кайкейя. У них тоже был сын.

Служанкой Кайкейи была кривобокая горбунья, существо злобное, ненавидящее весь мир.

И вот однажды эта служанка вышла из дворца, чтобы послушать городские сплетни, и заметила, что на улицах какая-то особая, праздничная суeta.

— Что это готовится? — обратилась она к первому же встреченному. Тот узнал её.

— Ты живёшь во дворце и не знаешь? — удивился он. — Ведь завтра нашим государем станет мудрый и добрый Рама. Отец уступает ему власть. Всё уже готово к коронованию!

Он удалился, весело напевая, а горбунья, дрожа от гнева — она ненавидела статного и красивого Раму, — бросилась назад во дворец.

Там она разыскала Кайкейю.

— Беда, беда, о махарани! — запричитала служанка. — Ты сидишь у окна и любишься павлином в саду, а Рама уже готов надеть на голову корону отца... Почему ты не побледнела от испуга?

— Я уже слышала эту новость от самого Рамы, — спокойно ответила Кайкейя. — Так будет лучше, это решил сам раджа. Почему я должна бледнеть? Мне бояться нечего.

— Подумай, что ты говоришь. Разум покинул тебя, госпожа! — продолжала горбунья. — Разве ты не понимаешь, как изменится теперь твоя жизнь? Сегодня ты любимая жена правителя, первая среди его трёх жён, а завтра? Он покинет дворец, и ты станешь никем. Рама коварен, он не захочет делить власть с

твоим сыном, он изгонит его из страны, а тебя начнут унижать и превратят в простую служанку!

Кайкейя была доброй, но не очень далёкой женщиной. Услышав слова горбуньи, она испугалась. «А что если и верно Рама и его мать до сих пор только притворялись моими друзьями? — подумала она. — Ведь раджа больше всех жён любит меня, значит, они не могут мне не завидовать... Неужели я стану нищей? Бедный мой сын!»

И, обращаясь к горбунье, вся в слезах, она попросила:
— Что делать? Научи меня!

Надо сказать, что служанка давно втайне вынашивала коварный замысел, как избавиться от Рамы и сделать сына Кайкейи единственным наследником. Теперь она рассказала всё госпоже.

Скрепя сердце Кайкейя согласилась с коварным планом горбуньи. Растрепав волосы и размазав по лицу слёзы (они были уж не такими притворными), она стала ждать, когда раджа в обычный час навестит её.

Он пришёл вечером, когда павлины в садах перестают ворчать и усаживаются на ветки, а беспокойные мангусты — гроза змей и лягушек — выходят на охоту.

Увидя Кайкейю, лежащую на полу и сотрясающуюся от рыданий, царь воскликнул:

— Кто посмел обидеть тебя?!

На что Кайкейя отвечала:

— Никто, о царь. Но я плачу потому, что ты, такой честный и преданный долгу, забыл свои обещания.

— О чём ты говоришь, Кайкейя? — воскликнул царь. — Не было случая, чтобы я не держал данное мной слово.

— Это так, — возразила младшая жена, — но помнишь, много лет назад, битву под стенами города? Ты дрался, не ведая страха, но был сражён копьём. Раненный, истекающий кровью, лежал ты на поле, и коршуны уже кружили над тобой.

— Так, — сказал царь, потому что всегда помнил этот страшный миг.

— Кто прокрался ночью на поле брани, нашёл тебя, омыл и перевязал раны? Кто отогнал злых птиц и приложил к губам твоим целебные травы? Кто перенёс тебя во дворец?

— Это сделала ты, Кайкейя! — сказал царь.

— И вот тогда, вспомни, придя в себя, ты предложил исполнить любые мои два желания. Ты умолял назвать их...

— Да, я прекрасно помню всё это, — не подозревая ничего худого, весело сказал царь. — Я и сейчас готов исполнить обещание. Тогда ты сказала, что повременишь, назови эти два желания теперь.

— Хорошо, я скажу. Вот они: первое — чтобы правителем страны после твоей смерти стал мой сын. Второе — чтобы Рама тотчас отправился в изгнание. Он должен уйти в лес и прожить там четырнадцать лет. Я сказала.

Долго молчал царь, не в силах поверить услышанному.

— О Кайкейя! — наконец воскликнул он. — Что слышу я? Или это дурной сон, и мне только кажется, что я разговариваю с тобой? Или в груди у тебя камень вместо сердца? Ты знаешь, что ни один раджа, если он действительно раджа, а не злобный временщик, никогда не посмеет отказаться от своего слова... Что требуешь ты? Зачем? Неужели я столько лет обманывался, считая тебя доброй?.. Но я обещал, и я исполню твои желания.

С этими словами царь удалился, а Кайкейя, оставшись одна, снова залилась слезами. Она всё-таки была доброй женщиной и не радовалась победе, понимая, что теперь ей предстоит быть жестокой до конца.

Изгнание Рама

На другой день чуть свет она приказала позвать Раму к отцу.

— Я прибыл! — сказал Рама, входя в зал и почтительно склоняясь перед раджей. — Ты хочешь мне что-то сказать, отец?

Но подавленный горем старик молчал. И тогда заговорила сидевшая у его ног Кайкейя.

— Готов ли ты исполнить волю своего родителя, Рама? — спросила она.

— Всегда, матушка! (В старых индийских семьях, когда случалось одному мужчине иметь несколько жён, дети их всех называли матерями.)

— Какой бы суровой она ни была?

— Пусть отец приказывает.

— Отцу больно говорить, и его волю сообщу я. Он решил, что ты должен отправиться в лес и жить там четырнадцать лет, не вмешиваясь в дела государства. После этого ты можешь вернуться. Я сказала.

Ошеломлённый, стоял Рама перед отцом.

— Что слышу я! — воскликнул он наконец. — Это изгнание. Но за что? Ты знаешь, отец, по одному твоему слову я пойду в огонь, выпью яд, брошусь в океан. Но сейчас, когда управлять страной тебе всё труднее... Неужели правда, что это твоя воля?

Старый раджа, еле сдерживая слёзы, кивнул.

Понутив голову, Рама удалился.

Медленно прошёл он по залам в дальнюю половину дворца, где с нетерпением ждали его Сита и Лакшмана.

Они гадали: зачем понадобилось отцу так рано вызывать Раму?

— Я думаю, он хочет поручить ему вести новую войну с соседями, — говорила Сита. — Они всё время нападают на наши города и жгут наши деревни.

— Нет,— возражал ей Лакшмана.— Я думаю другое. Отец решил дать ему ещё несколько советов, как управлять страной. Ведь это большое искусство!

В комнату вошёл Рама.

— Сита и Лакшмана,— сказал он,— отец приказал мне удалиться в лес на четырнадцать лет. Это — изгнание, хотя я и не

знаю за что. Долг детей — слушаться родителей. Я удаляюсь. Живите счастливо, не беспокойтесь обо мне. Годы пройдут, я вернусь.

Поражённые, Лакшмана и Сита долго не могли прийти в себя от этой вести.

Первой заговорила Сита.

— Ты прав, Рама,— печально сказала она.— Волю отца надо исполнить. Но и я последую за тобой.

Лакшмана вскричал:

— Нет, нет! Это Кайкейя! Отец не мог принять такого решения. Это она подговорила его. Она ненавидит нас. Сейчас же иду к отцу!

— Не делай этого. Ему и так тяжело. Своими невольными речами ты убьёшь его! — отвечал Рама.

— Тогда я отправляюсь в лес с вами!

Решив так, они покинули дворец. Ни одна живая душа, кроме молчаливых стражников, не видела их, и только, когда они проходили мимо покоев Кайкейи, на одной из дверей, низко, у самого пола, шевельнулся занавес, словно там стоял кто-то, подглядывая.

Они прошли тихими утренними улицами Айодхьи, вышли за городские стены и оказались в поле. Но едва они очутились там, с большого сухого дерева, что стояло около дороги, слетел ястреб и стал кружиться над ними.

Всё дальше и дальше от города уходили братья, а ястреб в небе всё сопровождал их.

— Что надо этой птице? — грустно спросил Рама.— Уж не предвещает ли она нам новые беды?

— Я пущу стрелу и собою её! — сказал Лакшмана.

— Не следует этого делать,— возразила Сита.— Ведь это Джатаю — король ястребов. Когда-то он летал в паре со своим братом. Разве вы не слышали их историю?

И она рассказала братьям о двух ястребах.

Рассказ о Джатаю — царе ястребов и его брате

У ястребов, самых быстрых и смелых из птиц, был свой царь, которого звали Джатаю. Он жил вместе с младшим братом, они оба очень любили друг друга и никогда не разлучались.

Надо сказать, что все птицы боятся смотреть на солнце и только самым отважным и сильным дано это счастье. Джатаю и его брат очень гордились тем, что могут, не закрывая глаз, глядеть на дневное светило.

Но однажды Джатаю сказал:

— О брат мой! Меня терзает любопытство. Мы с тобой одни из немногих, кому боги дали волшебный дар смотреть на солнце. Но то, что видим мы, ничего не прибавляет к тому, что мы давно знали о божественном диске. Я думаю, что это происходит оттого, что мы смотрим издалека, а издалека даже самое прекрасное дерево кажется лишь тёмным пятном. Давай взлетим в небо и постараемся взглянуть на солнце вблизи!

— Я всегда с тобой! — ответил младший брат, и две гордые птицы поднялись в воздух.

Сначала они кружились, поднимаясь всё выше и выше, в воздухе, тёплом, напоенном ароматом цветущих лесов. Потом воздух стал прохладным, и только едва заметные запахи говорили о том, что теперь под ними поля, полные зелёных трав и посевов пшеницы. Затем он стал чистым и прозрачным, как родниковая вода, холодным, как лёд, а солнечные лучи, пронзавшие его, стали подобны раскалённым иглам.

Всё выше поднимались два ястреба, всё нестерпимее становился солнечный жар.

— Останься, я полечу дальше один! — сказал Джатаю. — Ты чувствуешь, как ранят огненные стрелы? Я лечу выше!

— Я всегда с тобой! — отвечал брат.

Они поднялись ещё выше, и земля внизу стала похожей на

голубой океан, а снежные Гималаи, выше которых нет гор на свете, стали казаться белыми зубчиками.

— Брат мой, умоляю тебя, останься! — снова попросил Джатаю.

— Я всегда с тобой! — в третий раз ответствовал его брат.

Они приблизились к солнцу и широко раскрытыми глазами взглянули на него. И тогда боги, возмущённые их дерзостью, приказали солнцу вспыхнуть с утроенной силой. Поток обжигающих лучей хлынул навстречу птицам.

Младший брат сразу почувствовал, как начинают тлеть его перья, и понял, что сейчас наступит гибель. И тогда, развернув крылья, он взлетел и заслонил Джатаю от солнечных лучей. И огонь обрушился на него, воспламенил крылья и хвост, обуглил перья на груди и выжег глаза, потом настиг Джатаю, и обе птицы, кувyrкаясь, полетели к земле.

Крылья, которые ценой жизни сберёг ему брат, спасли Джатаю. Он остался жив, но покинул своих подданных и стал птицей-отшельником, чтобы, тоскуя, размышлять на досуге о силе братской любви и неистовом стремлении богов хранить свои тайны...

Так закончила царица свой рассказ, и все трое, подняв лица, долго смотрели, как описывает в небе круги огромная птица.

Между тем солнце поднялось над горизонтом. Подул жаркий ветер, и пыль столбами побрела по полю.

Путники вышли на дорогу и отправились по ней туда, где за морем жёлтых возделанных полей виднелась полоска синего леса.

К вечеру они достигли его и углубились в самую чащу. Так они брели день за днём, ночуя на деревьях или в пещерах, открытых среди корней, пока не наткнулись на убогую хижину, из которой на звук их шагов вышел глубокий старец.

Склонившись в приветствии, старец произнёс:

— Я ждал вас, Рама и Лакшмана. Входи и ты, Сита.

Встреча с отшельником

Это был знаменитый отшельник Агастья. Много лет прожил он в лесной глуши, питаясь кореньями и плодами, размышляя о смысле жизни и назначении человека.

Агастья ввёл усталых путников в свою хижину, а когда они отдохнули и разделили его скудную трапезу, сказал, обращаясь к Раме:

— Боги поручили мне открыть твоё предназначение, о лучший из царевичей, муж прекраснейшей из женщин!

Да будет известно тебе, а также тем, кто сопровождает тебя в странствиях, что прежде, чем ты родился на свет, было время, когда глубокая печаль объяла страну и повергла в раздумья богов.

Причиной был Равана.

Вы все, конечно, знаете, что на земле Индии испокон веков, кроме людей, живёт могучее и злобное племя демонов-ракшасов. И если люди все свои дела совершают днём, при свете солнца, то ракшасы выходят из тёмных лесов и спрятанных в глубине гор ущелий, только когда лучезарное светило скроется за горизонт. Они бродят во тьме, оскверняя алтари, пьют кровь спящих животных, похищают людских жён и убивают застигнутых в дороге воинов.

Но ракшасы смертны, и исстари люди, звери, а также боги, охраняющие людей и зверей, боролись с ними и побеждали.

Но вот много лет назад среди ракшасов родились два брата — Равана и Кумбкахарны. Не было демонов свирепее и сильнее их.

Равана был ростом с гору, имел десять голов и двадцать рук, и не было никого, кто мог бы сравниться с ним в метании копья или стрельбе из лука. Он был быстр и беспощаден.

Кумбкахарны был ещё больше ростом и ещё сильнее. Когда он вступал ногой в океан, вода выкатывалась на берег, а если ему приходилось идти среди гор, то он, задевая их, сворачивал вершины, и земля тряслась так, что в городах рушились дома. Правда, он любил поспать и мог пролежать с закрытыми глазами, по-

храпывая, целый год. Ещё он был прожорлив, и боги, взирая с небес на опустошения, которые он причинял полям и стадам, часто задумывались: не обречёт ли он в конце концов на голод всю Индию?

И однажды они решили испытать силу братьев, приказав им уничтожить легион злых духов, передвинуть семь гор и углубить ложа четырнадцати морей.

Всё сделали Равана и Кумбкахарны.

Тогда, поражённые, боги сообщили им через посланца, что в награду готовы исполнить их любые желания.

— Я не боюсь никого из людей,— сказал Равана,— и поэтому прошу одного: чтобы мне не грозила смерть от руки богов или от когтей и клыков зверя.

— А я вообще никого не боюсь,— сказал, зевнув, Кумбкахарны.— Мне бы только спать да есть вволю!

Боги согласились. С тех пор Равана стал могущественнейшим из ракшасов, а Кумбкахарны погрузился в вечный сон, из которого он выходит раз в пять лет, чтобы насытиться и снова уснуть.

Местом своего жительства братья выбрали остров в океане.

Однако с тех пор не стало никому спасения от свирепого Раваны: он носился по земле, сея повсюду смерть и ужас. Ни могучие звери, ни сами боги не могли защитить людей от злого демона.

Тогда боги снова собрались на совет: что делать с бесжалостным ракшасом? И вспомнили, что, прося волшебного дара, Равана забыл про смерть от руки человека.

Они решили, что пора родиться герою, который бы избавил мир от злого демона. И вот тогда в Айодхье родился ты, Рама. Живи, не страшась ничего, и знай о своём предназначении. Я сказал всё.

Братья долго молчали, поражённые, а потом Лакшмана воскликнул:

— Так вот для какого великого подвига ты рождён, брат!

— И всё-таки берегись Раваны, муж мой! — сказала Сита. — Будь осторожен.

— Я не питаю против него зла и не ищу его смерти, — задумчиво сказал Рама, перед глазами которого встал облик гневного ракшаса. — Всё, к чему устремлены мои помыслы, о Агастья, это найти в глубине леса место, где мы могли бы прожить определённые отцом четырнадцать лет.

— Такое место я вам укажу, — согласился отшельник. — Оно в трёх днях пути отсюда. Но лес полон опасностей: даже в самую глубину его проникают хищные звери и злые демоны — я дарю тебе этот волшебный колчан. В нём никогда не иссякают стрелы!

С этими словами отшельник снял со стены и протянул Раме колчан, в котором лежали три стрелы.

— Эти две стрелы — простые, — сказал Агастья. — Их ты можешь тратить, не задумываясь. А вот эта, с алмазным наконечником, — храни её до решающей битвы с Раваной!

Приняв колчан, Рама низко поклонился старцу, а нетерпеливый Лакшмана тут же вытащил одну из простых стрел. Тотчас на её месте появилась новая.

— Благодарим тебя, мудрый Агастья! — сказали в один голос Рама, Лакшмана и Сита.

После этого все трое вышли на лесную тропу, и Агастья указал им путь.

Действительно, пройдя три дня, они достигли большой поляны, раскинувшейся на берегу прозрачной реки. Поляну с трёх сторон окружал лес. В нём бродили бесчисленные стада кабанов и оленей, пели птицы, в реке плескалась рыба.

Здесь братья построили хижину и стали в ней жить. Рама и Лакшмана каждый день по очереди уходили в лес и приносили добычу, Сита готовила еду. Ещё она посадила на берегу реки немного пшеницы и бобов.

Тот, кто первый записал легенду о Раме, особенно настаивает на том, что братья никогда не уходили в лес вдвоём. Они понимали, что нельзя оставлять в хижине беззащитную женщину. И ещё они знали, что если полёт стрелы ограничен силой стрелка и ветром, то нет предела, до которого может распространиться слух о чужом несчастье.

Похищение Ситы

И действительно, весть об изгнании Рамы и о том, что Сита живёт не во дворце, окружённая стражей, а в лесу, охраняемая только двумя воинами, долетела до Ланки, где царствовал Равана.

«Вот и настал мой час!» — подумал он и тотчас позвал слугу, умевшего принимать облик любого животного.

— Ты отправишься со мной! — сказал он. — Там, на севере, в густом лесу живёт женщина, которую нужно похитить. Но с ней живут и два могучих воина. Ты обернёшься прекрасным оленем и будешь бегать около хижины до тех пор, пока они не погонятся за тобой. А я спрячусь в кустах. Уведи их подальше. Как только воины удалятся, я унесу женщину. Ты меня понял?

— Я понял всё, о владыка! — отвечивал ракшас.

Они взошли на колесницу, и безмолвный возница помчал их по небу, всё дальше удаляясь от Ланки.

Когда синие вершины Гималайских гор закрыли полнеба, колесница опустилась, и Равана со слугой очутились в густом лесу.

Они пошли, раздвигая руками кусты, и шли до тех пор, пока не увидели на зелёной поляне близ ручья маленькую хижину, около которой на корточках сидела женщина и перетирала в ступе пшеничные зёрна. Женщина подняла лицо, чтобы отереть пот, и Равана узнал Ситу.

— Это она! Ступай! — приказал он, и ракшас, обернувшись золотистым оленем, прыжками выскочил на поляну.

— Рама, Лакшмана! — удивлённо вскричала женщина. — Смотрите, кто пожаловал к нам!

Из дома вышли Рама и Лакшмана. Они замерли у дверей и вместе с Ситой стали любоваться, как олень то выбегает, словно танцуя, на поляну, то скрывается в кустах.

— Какое чудесное животное! — сказала Сита. — Рама, Лакшмана, вы по очереди ходите на охоту, а я всегда дома. Как бы я хотела, чтобы этот олень стал товарищем моих игр и чтобы я могла ухаживать за ним, как за ребёнком.

Рама переглянулся с братом, улыбнулся, перекинул лук через плечо и быстрыми шагами направился к кустам, возле которых стоял олень.

— Подожди! — крикнул Лакшмана. — Я помогу тебе!

Они стали подкрадываться к оленю с разных сторон и уже были готовы схватить его, как животное в последний момент отскочило в сторону.

Снова и снова пытались поймать его братья, но олень каждый раз ускользал из их рук, всё дальше углубляясь в чащу.

— Мы удаляемся от хижины, — сказал Рама. — Вернись, Лакшмана!

И Лакшмана, к глубокой досаде Раваны, возвратился к Сите.

Но у Раваны и у его слуги была приготовлена ещё одна хитрость. Увлекая Раму всё дальше и дальше, олень завёл его в самую гущу леса. Когда Рама в последний раз попытался поймать его, олень выскользнул из рук, отбежал в сторону и крикнул голосом Рамы:

— О Сита, о Лакшмана!

Этот крик, полный боли и отчаяния, возник в самой чаще и, подобно быстрой волне, которая кругами разбегается вокруг упавшего в воду камня, разнёсся по лесу.

И тогда Рама понял, что его обманули, что это не олень, а злой дух и что этот крик предвещает беду.

В гневе выхватил он из колчана стрелу, натянул лук и пустил её вслед убежавшему оленю. И хотя тот мчался как ветер, стрела догнала его. Олень упал с пробитым сердцем и едва только коснулся земли, как превратился в уродливого кривобокого ракшаса.

В ужасе стоял Рама над телом демона.

— Брат, не иди сюда! — крикнул он, предчувствуя беду.

Но голос его вернулся, отражённый стеною деревьев...

Тем временем Сита и Лакшмана с нетерпением ожидали возвращения Рамы. Наконец до их слуха донёсся жалобный голос:

— О Сита, о Лакшмана!

— Скорее на помощь! Беги — это голос Рамы! — воскликнула Сита.

— Но брат приказал мне ни в коем случае не оставлять тебя, — возразил царевич.

— Что значит моя жизнь, если опасность грозит Раме? Беги скорее. Он, наверное, ранен, умирает... Беги! Я требую, я, наконец, приказываю!

И Лакшмана, понутив голову, удалился. Сперва он шёл, потом ускорил шаги и, наконец, побежал. Он мчался через лес до тех пор, пока не встретил бегущего навстречу Раму.

— Почему ты здесь? — воскликнул в испуге старший брат. — Разве я не приказал тебе?..

Лакшмана опустил голову, но тут же глаза его сверкнули гневом.

— Назад, к хижине! Нас обманули! — крикнул он.

Братья бежали что было сил. Ручей — они перемахнули и через него... Поляна — пронеслись как ветер... Вот и хижина... Перед ней никого нет. Они распахнули дверь — внутри пусто...

Сита исчезла.

Равана и Сита

Вот что случилось у хижины.

Пока Рама охотился за оленем, а Лакшмана и Сита прислушивались к звукам, доносившимся из чащи, Равана, приняв облик странствующего старца, стоял за кустами и ждал, когда раздастся роковой зов.

— О Сита, о Лакшмана! — донеслось, наконец, из глубины леса.

Едва Лакшмана скрылся, Равана вышел из кустов и направился прямо к хижине. Удивлённая появлением в этом глухом, безлюдном месте человека, Сита приветствовала его низким поклоном.

— Будь нашим гостем, добрый старец, — сказала она. — Скоро вернутся из леса мой муж и его брат. Они будут рады тебе. В лесу жарко, не хочешь ли испить воды?

Равана поблагодарил. Но едва только Сита, держа в вытянутой руке кувшин, приблизилась к нему, он крепко схватил её за руки, подал знак, из кустов выкатилась колесница, Равана вскочил в неё, втащил Ситу, кони поднялись в воздух и, погоняемые возницей, помчались над лесом.

— Кто ты? Что тебе надо от меня? — в ужасе воскликнула Сита. — Зачем ты увозишь меня?

— Кто я? — усмехнулся ракшас и принял свой обычный облик.

Узнав Равану, царица, зарыдав, взмолилась:

— О вы, люди, живущие в лесах, и их враги — хищные звери, — причитала она. — Вы, птицы, поющие в рощах бильвы! Вы, деревья, покрытые цветами, и вы, травы, по которым я так любила ступать! Расскажите Раме, что меня похитил злой демон. О олени, вы часто приходили ко мне и, стоя около хижины, слизывали соль, которую я сыпала для вас на землю! Укажите Раме и его брату, куда унёс меня злой ракшас. Ты, река, которую я так любила слушать в полуденные часы, помоги им!..

Так молила, горя, Сита. Но людей нигде не было видно; в ужасе разбегались, спугнутые громом колесницы, хищные звери; разлетались птицы; безмолвно пригибались к самой земле деревья и травы. И только олени оставались стоять на месте, чутко прислушиваясь к словам царевны, да река умерила свой бег, чтобы лучше понять их.

Битва Джатаю с Раваной

Едва только золотая, украшенная драгоценными камнями колесница Раваны с громом начала свой полёт, проснулся сидевший на скале царь ястребов Джатаю.

«Чья это колесница несётся подобно туче? — подумал он. — Куда так торопится возникший и почему с колесницы доносится женский плач?»

Он взмыл в воздух и, догнав колесницу, увидел в ней ракшаса, который держал в объятиях молодую женщину.

— Кто ты, нетерпеливый седок, и отчего рыдает эта женщина, равная красотой Сите, жене великого Рамы? — крикнул ястреб.

— Прочь с дороги! Не то мои кони затопчут тебя! — бросил в ответ Равана. — Я царь ракшасов. Ты не ошибся: эта женщина — Сита. Сегодня же она станет моей женой.

И тогда старый ястреб, сложив крылья, бросился с высоты на демона.

Завязалась битва. Равана выхватил из-под сиденья лук и осыпал смелую птицу потоком стрел. Снова и снова поднимался в небо Джатаю и обрушивался на ракшаса. Он бил крыльями по его лицу, рвал когтями грудь, терзал клювом руки.

Но могучий ракшас лишь хохотал: он знал, что ему не грозит смерть в бою с птицей, и продолжал осыпать ястреба ливнем стрел. Они впивались в тело Джатаю, так что тот стал похож на дикобраза. В последний раз, тяжело двигая крыльями, поднялся

израненный царь птиц и камнем упал с высоты на колесницу. Он ударился о неё с такой силой, что куски дорогих украшений отлетели и сверкающим дождём рассыпались по всей Индии. Вот почему в её горах и на дне её рек до сих пор находят кусочки золота и драгоценные камни.

Тогда выхватил Равана тяжёлый меч и на лету отрубил птице крыло. Тоскливо крикнул ястреб и, кувyrкаясь, полетел вниз. Увидев это, Сита потеряла сознание, а Равана вырвал из рук у возницы вожжи, хлестнул коней и понёсся дальше на юг, туда, где за мысом Коморин — крайней точкой земли — расстилается океан, а за ним голубеет зубчатая полоска — Ланка.

Рама и Лакшмана отправляются на поиски Ситы

Не в силах произнести ни слова, стояли братья на пороге хижины.

— Время уходит,— сказал наконец Лакшмана.— Скорее в путь!

— Куда? — возразил Рама.— Мы даже не знаем, кто похититель. Давай поищем его следы.

Они обошли хижину, но сумели разглядеть на песке и в траве лишь лёгкие отпечатки женских ног.

— Это шаги Ситы,— сказал Рама.— Я понял: её похитили не люди, здесь был кто-то из злых ракшасов. Только они да светлые боги могут скользить по земле, не задевая её.

— Ты прав,— согласился Лакшмана.— И всё равно кто-нибудь да видел похитителей! Идём.

Набросив на плечи плащи из древесной коры, на которые они, подобно отшельникам, давно уже сменили царские одежды, братья стали обходить окрестности, расспрашивая всех, кто попадался им по пути, о Сите.

— Нет, мы не видели её,— отвечали отшельники, жившие в лесу.

— Мы не видели ничего! — отвечали, пряча глаза, хищные звери.

— Был полдень, и мы спали в тени! — уклончиво говорили птицы.

И только олени, когда братья обращались к ним, ничего не говоря, уносились на юг, да река, печально журча, устремляла туда же свои струи.

— Ты знаешь, не напрасно бегут олени и не даром река меняет своё течение! — сказал Лакшмана.— Последуем за ними!

И действительно, стоило братьям пройти на юг путь, равный половине дня, как они заметили в траве горящие на солнце кусочки золота.

Рама нагнулся и поднял один.

— Странно! — сказал он. — Такими пластинками искусные мастера обивают бока царских кораблей и колесниц. Но как могла эта пластинка попасть сюда, в лесную глушь, где нет ни воды, ни дорог? Что бы это значило?

Они сделали ещё несколько шагов, и куски золота стали попадаться всё чаще. Наконец они увидели капли крови на траве и впереди услышали стон.

С тревогой и испугом бросились туда братья и наткнулись на лежащего в траве Джатаю.

— Что с тобой, благородный ястреб? — спросил Рама, наклонясь над ним. — Кто так жестоко изранил тебя?

— Торопитесь выслушать, что я скажу, — прошептал умирающий царь птиц. — Недавно здесь промчался в колеснице, обитой золотом, злой демон Равана. Он стоял подобный воплощению зла, а у ног его лежала без чувств прекрасная Сита. Я знал, что Раване не суждено погибнуть от когтей птицы, но не мог не заступиться за женщину и бросился в бой. Равана победил... Спешите на юг. Там на острове Ланка стоит белокаменный город, обнесённый высокой стеной. В нём воздвигнут прекрасный дворец. Туда, должно быть, и понёс ракшас Ситу...

С этими словами король ястребов умер. Печальные, Рама и Лакшмана подняли его тело и, как велют поступать боги с героями, положили его на груды сухих веток. Они воспламенили их, и скоро от погребального костра осталась только куча тлеющих углей.

Затем братья продолжили свой путь. Они шли к океану путём, который указал им благородный Джатаю.

Полёт Раваны с похищенной Ситой

Словно сверкающее облако, неслась по небу колесница, влекомая зелёными конями. Безмолвный возница управлял ею, а позади стоял, выпрямившись во весь рост, двадцатирукий Равана.

Он стоял, выставив вперёд одну ногу, а на колене его лежала без чувств прекрасная Сита.

Но вот ветер, отбросив назад её волосы, остудил щёки, Сита открыла глаза, увидела над собой десять лиц ужасного ракшаса и снова лишилась чувств.

Когда она второй раз пришла в себя, колесница мчалась уже над южной Индией. Внизу зеленели вершины прибрежных гор.

«О Рама, — горестно подумала Сита. — Как мне послать тебе весточку? Как помочь в трудных поисках, на которые тыпустишься?»

И она незаметно для ракшаса стала отрывать от своего жёлтого платья лоскут.

На их пути показалась большая гора, покрытая лесом. На вершине её стояли, как показалось сперва Сите, несколько человек.

Гора приблизилась, и царевна поняла, что ошиблась. На вершине стояли не люди, а большие обезьяны. При виде сверкающей

колесницы, которая с громом катилась по небу, они с достоинством, не торопясь, отступили в тень деревьев.

«Какие странные существа! — подумала Сита. — Это не простые звери. Что, если в своих странствиях Рама дойдёт до этой горы? Может быть, обезьяны помогут ему?»

И она сперва спрятала лоскут в кулак, а потом, свесив руку за борт колесницы, разжала пальцы.

Как жёлтая птица, вспыхнул в небе, закружился, стал снижаться оторванный кусок шёлка и упал на вершину горы.

Едва колесница промчалась, обезьяны снова вышли из-под деревьев, окружили лоскут и стали его рассматривать.

Существа, которые так удивили Ситу, действительно не были простыми обезьянами. В те далёкие времена на самом юге Индии проживало могучее племя совершенно особенных обезьян, которые мало в чём уступали людям. Правил этим племенем обезья-

ний царь Сугрива, и ему подчинялись все звери, кроме хищных тигров и могучих добрых слонов.

Однако и обезьянье царство, как всякое царство, посещали раздоры. У Сугривы был злой и завистливый брат Валин. Однажды, улучив момент, когда Сугрива со своими придворными покинул столицу, он перебил его слуг и захватил власть.

Царь обезьян и те из придворных, кто остался ему верен, удалились в глушь леса и стали там жить. Опорой Сугривы, его советником и помощником в эти тяжёлые дни стал Хануман — обезьяна, происхождение которой было овеяно легендами.

И вот теперь, когда обезьяны, стоя на вершине горы, рассматривали кусок жёлтой материи, Хануман сказал:

— Я думаю, что его бросила нам не простая женщина. И бросила не случайно. Во-первых, такие шелка носят только во дворцах. Во-вторых, она не бросила его, если бы не была в большой беде. Значит, это знак.

— Да,— сказал Сугрива.— Ты прав. И ещё мне кажется, что это знак приближения перемен, которых мы так давно ждём!

Сита на Ланке

Между тем колесница Раваны достигла Ланки. Зелёные кони сделали круг над городом и опустились перед дворцом. Его золотые крыши горели на солнце, стены были украшены стягами, играла музыка.

Колесница остановилась. Равана поручил Ситу служанкам — безобразным ракшаси, а вечером, приняв облик прекрасного воина, пришёл в отведённые ей покои.

— Выслушай меня, Сита! — сказал он.— Однажды — я делаю это часто — в одежде простого смертного я бродил среди людей по улицам твоего родного города. Около дворцовой стены играла с подругами девушка. Её красота поразила меня. Это была ты. И я дал себе слово, что ты станешь моей женой. Теперь ты

здесь, в моём доме. Слышишь — гремят ножи и бубны? Это повара готовят праздничный обед, а музыканты разучивают танцы твоей родины. Они будут играть до утра. Служанки ждут твоих приказаний; в сундуках, которые открыли они, — одежды и драгоценности, о которых ещё не мечтала ни одна женщина. Торопись надеть их!

Но Сита, опустив голову, ответила:

— Что значат драгоценности и сотни слуг по сравнению с любовью и долгом? Напрасны твои приготовления, Равана! Я супруга Рамы, и никто не заменит мне его. Ты говоришь, что часто бываешь среди людей. Разве ты не знаешь, что хорошая жена всегда остаётся верной? Или ты никогда не слышал рассказа о Савитри, которая до конца следовала за своим мужем?

И она рассказала такую историю.

Рассказ о верной жене Савитри

Молодая и прекрасная Савитри встретила в глухом лесу юношу по имени Сатьяван и полюбила его. Они решили стать мужем и женой. Но мудрые отшельники, жившие в том же лесу, открыли Савитри страшную тайну.

— Этот юноша через год умрёт, — сказали они. — Стоит ли тебе, такой юной и прекрасной, становиться его женой, чтобы через считанные месяцы овдоветь? Найдётся много мужчин, которые будут рады ввести тебя в свой дом, и ты будешь счастлива всю жизнь.

— Нет, я полюбила,— отвечала кроткая Савитри,— и ничто не заставит меня сделать Сатьявана несчастным.

Они совершили свадебный обряд и продолжали жить в лесу. Но время неумолимо летело, и пришёл день, когда должно было исполниться предсказанное.

С утра Савитри ни на шаг не оставляла своего мужа. Увидев, что он собирается в лес за кореньями и плодами, она сказала:

— Я иду тоже.

Долго бродили они среди деревьев, собирая упавшие плоды и выкапывая съедобные корни, пока наконец муж не сказал:

— Я что-то плохо чувствую себя. Прилягу-ка я!

Он лёг у подножия дерева и смежил глаза. И не успела Савитри опуститься рядом с ним, как увидела, что кровь отхлынула от его щёк и что около мужа уже стоит кто-то, одетый в красные одежды. Это был сам бог смерти Яма.

Быстро и ловко извлёк он душу из тела умершего — она была похожа на маленького человечка с палец величиной — и, не говоря ни слова, отправился в путь.

Савитри, понутив голову, последовала за ним.

— Что ты идёшь за мной, женщина? — спросил её, спустя некоторое время, Яма.

— Я жена и дала слово, что повсюду буду следовать за своим мужем, — отвечала Савитри.

Бог ничего не ответил и продолжал свой путь. Спустя несколько часов он снова спросил:

— Знаешь ли ты, куда я направляюсь?

— Да, — отвечала Савитри, — ты идёшь на юг, ко входу в твоё подземное царство.

— Но последовать туда за душой твоего мужа может только твоя душа. А для этого ты должна будешь тоже умереть.

— Я знаю, — отвечала Савитри.

И они снова молча пошли вперёд.

Так шли они несколько дней. Платье Савитри разорвалось о колючие кустарники. Раны на ногах и руках кровоточили. Но она молча следовала по стопам бога.

Наконец тот остановился.

— Савитри, — сказал он. — Мы скоро придём. Ещё раз подумай о том, что делаешь. Ведь из моего подземного царства хода назад нет. Тебе осталось жить всего несколько часов.

— О беспощадный! — сказала Савитри. — Ты разъединил наши тела, позволь нашим душам остаться вместе.

И тогда воскликнул ужасный Яма:

— Ты тронула моё сердце, женщина! Не было случая, чтобы я отпускал попавшего в мою сеть. Но на этот раз пусть будет так!

Он вдруг исчез, а Савитри очутилась вновь в знакомом лесу, около дерева, у подножия которого на траве лежал её муж. И едва только она опустилась на колени около него, как кровь прилила к его бледным щекам, он раскрыл глаза и сказал:

— Как долго я спал! Почему ты не разбудила меня? Уже вечер, и в лесу просыпаются хищные звери.

— Прости меня, — кротко сказала Савитри. — Ты прав, мне надо было разбудить тебя раньше. Поспешим!

Она помогла мужу подняться, и они направились домой, и жили вместе много лет, до глубокой старости.

— Не понимаю, для чего ты рассказала мне эту сказку? — рассердился Равана. — Ради тебя я участвовал в состязании воинов. Ради тебя бился с ястребом. Я готов выдержать ещё десятки битв, лишь бы ты была моей. Весь этот дворец, все его богатства — твои. Я сказал.

— Ты ошибаешься, злой ракшас, — отвечала царица. — Ты думаешь, что я могу забыть Рама и польститься на твоё золото? На драгоценности и жизнь в великолепном дворце? Я лучше умру, но не соглашусь. И ещё я скажу тебе: Рама никогда не забудет меня. Он будет искать, пока не найдёт. Он придёт сюда и уничтожит и тебя и твоих злых ракшасов. С ним могучий Лакшмана, и ты падёшь от их руки. Я тоже сказала.

И тогда Равана вскричал:

— Безумная женщина! Только любовь удерживает меня от того, чтобы пронзить тебя мечом. Даю год. Если через двенадцать месяцев ты не переменишь своё решение, — ты умрёшь.

— Не надо угрожать. Если через год Рама не вызовет меня, я и сама не захочу жить, — тихо сказала Сита.

Тогда Равана приказал увести Ситу из дворца. Рядом, ещё за одной стеной, был сад, в котором цвели круглый год огненные деревья ашока — их индийцы посвящают богам. В этот ашоковый сад ракшасы, злые служанки, отвели Ситу. Они заперлись там вместе с пленницей, чтобы ни на минуту не спускать с неё глаз.

Рама и Лакшмана ищут Ситу

Долго брели Рама и Лакшмана через непроходимые джунгли по звериным тропам, страдали от зноя, голода и жажды, переплывали на плотах реки, продирались сквозь заросли деревьев и колючих кустарников.

Наступила пора дождей.

Рама, наблюдая, как небо обрушивает на землю потоки воды, говорил брату:

— О Лакшмана! Только что земля, пересохшая и покрытая трещинами, жаждала влаги. Она стонала, и морщины покрывали её лик. Казалось, нет муки горше. Но теперь посмотри: добрый океан наслал на землю летний дождь. Он гонит потемневшие от обилия влаги облака, и те, едва успев докатиться до подножия гор, разражаются ливнями. Земля забывает о страданиях, и месяцы, проведённые в томительном ожидании, кажутся ей мгновениями. Не так ли и я, страдающий без Ситы, обретя её вновь, скажу — мы не разлучались!

— Брат мой,— отвечал Лакшмана.— Ты, наверное, прав, но сейчас нам надо торопиться. Сита в руках у злого ракшаса.

— Так,— отвечал Рама, и они вновь пускались в путь. Мокрые и усталые карабкались на холмы, поднимались на скользкие горные склоны, побеждали в пути хищных зверей.

Но вот однажды они вышли к подножию горы, на вершине которой увидели несколько обезьян. При их появлении обезьяны спрятались, и только одна продолжала стоять, не выказывая признаков страха.

— Идём дальше. Что нам какие-то обезьяны! — сказал Лакшмана.— Солнце уже склоняется к закату, плохо, если мы не достигнем до ночи жилья людей.

— В этих диких краях люди не живут,— возразил ему Рама.— Подождём: мне кажется, это не простые обезьяны. Видишь, одна направляется к нам.

Действительно, обезьяна, которая не укрылась при виде

братьев, уже спускалась с горы. Скоро она предстала перед ними. Это было рослое животное, которое уверенно стояло на двух ногах. В глазах обезьяны светились ум и отвага, на плечи был наброшен алый плащ, в руке она держала копьё.

— Кто ты, о чудесный незнакомец? — спросил Рама. — Мы люди с севера. Полгода уже бродим по земле, разыскивая похищенную царевну Ситу. Ещё раз заклинаю тебя, ответь — кто ты?

— Меня зовут Хануман, я слуга Сугривы, царя обезьян, — отвечал незнакомец. — Это он скрывается сейчас на вершине горы. С ним его придворные. Мы все — изгнанники, нашу страну коварством захватил враг. — Он рассказал о Валине. — Только могучий, непобедимый воин может спасти нас: Сугрива уже дважды выходил на бой с Валином, и тот каждый раз побеждал.

Рама задумался.

— Я был бы рад помочь, — сказал он, — но Сита — моя жена. Её похитил злой демон Равана. Сейчас мы держим путь к океану.

— И очень торопимся, — добавил Лакшмана.

— О, конечно! — согласился Хануман. — Но у демона, я слышал, огромное войско. Вам без помощи тоже не обойтись! Ждите меня здесь!

С этими словами он снова отправился на гору и вернулся, ведя за собой Сугриву и его придворных.

Едва только царь обезьян услышал горестную историю Ситы, он вытащил из кармана жёлтый лоскут.

— Этот кусочек ткани упал с колесницы, которая пролетела над нашей горой, — сказал он.

— Ткань её платья! — воскликнул Рама. — Значит, это пролетал Равана!

— Он промчался на юг.

— О горе! Джатаю не ошибся, демон увёз её на Ланку... Я предлагаю тебе союз, о царь обезьян! Я вызову на бой Валина.

— А я помогу тебе в войне с Раваной, — сказал Сугрива.

И Лакшмана воскликнул:

— Мы вместе спасём Ситу!

Рама возвращает Сугриве царство

Долго шли Рама и Лакшмана за обезьянами, пробираясь через горы, поросшие джунглями, пока не достигли страны, из которой жестокий Валин изгнал брата. Но когда в вечернем сумраке перед путниками заблестели огни столицы, а на вершине холма забелел прекрасный дворец, Хануман сказал:

— Останемся здесь на ночь. Но сперва надо решить, кто выйдет завтра сражаться с Валином?

— Я уже сказал, это сделаю я, — ответил Рама.

Но Сугрива после долгого молчания проговорил:

— И всё-таки мой долг первому выйти сражаться с ним. Я царь, и мои подданные не должны думать, что я трус.

— Он прав! — воскликнул Лакшмана.

И Рама нехотя согласился:

— Он прав.

Но братья тут же решили, что станут в кустах близ места поединка и будут оттуда наблюдать ход боя.

Всю ночь на стенах столицы обезьян горели факелы, протяжно перекликалась стража, ей отвечали из чёрного леса голоса ночных птиц и рёв вышедших на охоту тигров.

Когда рассвело, Хануман подошёл к городским воротам и крикнул:

— Жители города! Мы вернулись, чтобы освободить вас от жестокого Валина. Радуйтесь. Сугрива здесь — он вызывает Валина на бой!

Не успел замолкнуть его голос, как послышался шум: это, грохоча боевыми сандалиями и гремя мечом, к воротам спешил поднятый с постели Валин.

Царь обезьян ждал его на опушке леса.

Ворота распахнулись. Косматый, длиннорукий Валин, подняв меч, устремился навстречу сопернику. Они сошлись. Скрестились мечи, и снопы искр вырвались из металла. Валин думал, что и на этот раз легко одолеет брата. Но близость Рамы придала

силы Сугриве — его удары с каждым разом становились всё сильнее. Валин почувствовал, что устаёт, и решил действовать хитростью. Он притворился, что ранен, опустил меч и застонал. Сугрива тоже остановился. Тогда Валин одним прыжком налетел на него и сбил с ног, Сугрива выронил оружие, Валин захохотал, обнажил ему горло и занёс острый меч...

Это произошло так быстро, что братья не успели убежать из-за кустов.

— Он погиб! — воскликнул Лакшмана.

Но не успел опуститься меч Валина, как зазвенел лук Рамы, сверкнула стрела, со свистом пронзила воздух и пробила навылет грудь Валина.

Братья подбежали к соперникам. Те лежали на земле, Сугрива был без чувств, а Валин уже умирал. Его глаза начали терять блеск. Последним усилием он приподнял голову.

— Так вот кто убил меня! — прошептал умирающий. — Почему ты оказался здесь, Рама? А если ты хотел моей смерти, почему не вышел на открытый бой, почему стрелял из засады?

— Видно, такую смерть определили тебе боги,— печально ответил Рама.— Ты сам не оставил мне времени. А здесь я по просьбе друга, ты причинил ему зло.

— Тогда ты прав,— прошептал Валин и умер.

Так Рама вернул Сугриве царство и обрёл могучего союзника. У царя обезьян снова оказались тысячи подданных, сильных и смелых, готовых по первому его зову идти в бой.

Но прежде чем двинуть обезьянье войско на Ланку, Рама решил разузнать, где спрятана Сита и что за войско держит в столице Равана. Об этом он сказал Сугриве.

— Нелегко будет сделать это,— ответил царь обезьян.— В океане по пути на Ланку живёт страшное чудовище, которому боги поручили охранять остров. Его невозможно победить в бою. Но там, где беспомощна сила, успех может принести хитрость. Твоё поручение, Рама, может выполнить Хануман. Знай, что его матерью была простая обезьяна, но отцом — сам Бог ветра. Когда Хануман родился, он подарил ему чудесное умение летать. И ещё научил уменьшать и увеличивать размеры тела, подобно тому как сам Ветер увеличивает и уменьшает размеры облаков. И ещё, почему нам важно перехитрить чудовище: боги определили, если оно пропустит на Ланку хотя бы одно живое существо, оно навсегда покинет эти воды. Тогда и нам путь будет открыт... Я зову Ханумана!

Выслушав Сугриву, Хануман сказал:

— Хорошо, я проберусь в столицу Раваны. И может быть, даже повидая Ситу. Но как поверит она, что я прислан тобой, Рама?

Тогда Рама снял с пальца перстень, с которым не расставался никогда, и протянул его обезьяне. Хануман поклонился и вышел.

В тот же день он во главе маленького отряда отправился в путь. Дорога вела туда, где узкий мыс Коморин с трёх сторон омывается океаном.

В кармане плаща у Ханумана лежал перстень Рамы.

Хануман достигает Ланки

Прошло несколько дней, и маленький отряд достиг берега. Там, впереди, за зелёной водной пустыней лежало государство ракшасов.

— Как же мы доплывём до острова? — спросила одна обезьяна. — У нас нет корабля.

— Даже если бы он у нас был, ракшасы заметили бы его и потопили! — добавила другая.

Но Хануман не слушал эти разговоры. Он подошёл к воде, протянул руки к далёкой Ланке и стал расти. Он вырос, как гора, присел, могучим толчком оттолкнулся от земли и устремился вперёд.

Как рыжая туча, мчался он по небу, рассекая облака. Розовые фламинго и белые пеликаны, завидев его, испуганно бросались в стороны.

Но опасность, о которой предупреждал Сугрива, уже подстерегала обезьяну. На дне пролива проснулось чудовище. У него была огромная пасть и грива, спутанная и косматая, как морские водоросли.

«Кто-то летит!» — услышав свист, подумало оно, всплыло, выставило из воды голову, раскрыло глаза и увидело Ханумана.

— Торопись, несчастный! — прошипело чудовище, и от его шипения задрожали волны. — Я дало обет богам, что никто из стремящихся на Ланку не избежит моей пасти. Готовься!

Оно упёрлось головой в облако и распахнуло пасть так, что пасть эта встала на пути Ханумана, как устье пещеры.

Но у Ханумана была приготовлена на этот случай хитрость.

— Я готов стать твоей жертвой! Пусть свершится воля богов! — крикнула обезьяна и стала стремительно уменьшаться.

Она уменьшилась сперва до размеров орла, потом — ласточки, влетела в пасть чудовища и, облетев её, вылетела обратно.

— Не сердись, о могучий! — крикнул Хануман. — Твоя клятва богам не нарушена: я не миновал твоей пасти. Прощай!

И он помчался дальше, увеличиваясь в размерах, а чудовище, содрогаясь и взбивая пену, погрузилось в пучину вод, чтобы навсегда покинуть пролив.

Полный сил и радости, нёсся теперь Хануман над океаном. Вот уже и голубые вершины Ланки, жёлтый песчаный берег, город, белые стены, а над ними — как дневные звёзды — медные копья стражников.

«Никто не должен видеть, что я достиг острова!» — подумал он, уменьшился до размеров кошки и, пролетев над крепостной стеной, опустился на холме, откуда хорошо была видна вся столица Раваны.

Хануман во дворце

Глядя на столицу ракшасов, на её прекрасные здания, утопающие в тенистых садах, Хануман гадал, где среди них дворец Раваны? И вдруг в глубине города он рассмотрел обнесённое высокой стеной здание с позолоченной крышей. Оно было окружено прекрасным садом, а над его башнями развевались красочные стяги.

«Тут, наверное, и живёт Равана!» — подумал он.

Дождавшись заката, он шмыгнул под городские ворота и очутился в городе. Пробежав по пустынным улицам, незаметно достиг дворца, взобрался на его стену, а с неё прыгнул прямо в открытое окно.

Странное пугающее зрелище предстало перед ним. Во всех комнатах стояли столы, заваленные едой и заставленные кувшинами с вином. За столами, на диванах, на полу спали утомлённые пиром, увешанные оружием ракшасы. Они храпели и вскрикивали во сне.

Долго бродил Хануман по дворцу, пока в самой дальней комнате не увидел огромную кровать с балдахином. На ней лежал погружённый в сон великан-ракшас. Десять его голов покоились на десяти подушках, а двадцать рук были раскинуты по одеялу.

У ног великана лежала женщина дивной красоты. Она была одета в дорогие одежды, руки и ноги унизаны браслетами. Женщина во сне улыбалась. «Неужели это Сита, та, в поисках которой Рама обошёл пол-Индии? Женщина, из-за которой вот-вот разгорится кровопролитная война? — подумал Хануман. — Нет, нет, это не может быть супруга Рамы, это всего лишь одна из жён Раваны!»

Он был прав. Хануман ещё раз обошёл весь дворец, но так нигде и не обнаружил пленницы. Тогда он вспомнил про сад, снова влез на стену и шёл по ней до тех пор, пока не увидел в дальнем конце сада молодую прекрасную женщину. Она сидела в окружении безобразных раکشаси на грубой подстилке, горестно склонив голову на руки.

«Это она! — подумал Хануман. — Но как отвлечь от неё стражу?»

Он вернулся во дворец, набил полные карманы жареными зёрнами пшеницы из чаш, которые стояли на всех столах, и, вернувшись, стал сыпать зёрнами дорожки сада. Тотчас налетели ночные птицы, стали кричать и драться из-за зёрен. Они носились между деревьями, сбивая на землю красно-жёлтые цветы ашоки.

Ракшаси, которым Равана приказал стеречь не только Ситу, но и сад, кинулись прогонять птиц. Тогда Хануман быстро вскарабкался на одно дерево, перескочил на второе и очутился над головой у пленницы.

— Взгляни вверх, скорее! — прошептал он.

Сита вздрогнула, подняла голову и увидела среди веток обезьяну.

— Кто ты? — испуганно спросила она.

Ракшаси были далеко. Хануман спрыгнул на землю, но, увидав в глазах царевны ужас, понял, что она считает его демоном, принявшим облик обезьяны.

Тогда он достал из кармана перстень Рамы и протянул его. Узнав перстень, царевна горестно вскрикнула, а Хануман, торопясь, стал рассказывать историю странствий двух братьев и их союза с Сугривой.

— Мужайся, рани! — закончил он свой рассказ. — Ждать не-долго: скоро Рама освободит тебя... Я ухожу, не хочешь ли пере-дать ему что-нибудь?

Оставив себе перстень, Сита сняла с шеи драгоценный камень и протянула его Хануману.

Но тут послышались голоса идущих назад служанок. Обезья-на одним прыжком вернулась на дерево и спряталась в его ветвях.

— Что с тобой? Почему на твоих щеках румянец? — удиви-лись ракшаси. — А на губах снова улыбка? Уж не сам ли Рама побывал здесь, пока мы бегали по саду?

Они рассмеялись.

Хануман поджигает Ланку

На беду, одна из ракшаси, смеясь, подняла голову и увидела в ветвях обезьяну. От испуга она завизжала. В сад вбежали стражники. Окружив дерево, они стали метать в обезьяну копья. Но Хануман прижался к стволу — копья пролетели мимо.

«Недолго и до беды! — подумал посланец Рамы. — Этак я могу не вернуться и не рассказать о том, что видел! И потом, у меня камень — послание Ситы! Беги, Хануман!»

И он, уклоняясь от копий, стал прыгать с дерева на дерево, пока не добрался до царской деревянной беседки.

На шум прибежали ещё ракшасы. Они окружили беседку и стали пускать в обезьяну стрелы. Хануман ловко увёртывался и от них.

— Стойте! — закричал один из стражников. — Эта обезьяна заколдована! Давайте сожжём её!

Ракшасы принесли из дворцовой кухни горшок с угольями и с воем и хохотом стали метать их в Ханумана. Крыша была сложена из сухих пальмовых листьев — они вспыхнули, Хануман почувствовал, что шерсть на нём тлеет.

— Смотрите, смотрите, у неё загорелся хвост! Вот потеха! — вопили стражники.

«Горящий обезьяний хвост — это, конечно, смешно, — подумал Хануман. — Но сейчас будет ещё смешнее!»

Он сильным прыжком перелетел с беседки на стену сада, со стены на бамбуковый дом, в котором жили слуги Раваны. Дом вспыхнул. С дома — на сторожевую башню. Она загорелась. С башни — через улицу, на дом — он запылал. С крыши на крышу... Он мчался, повсюду оставляя за собой дым и брызги пламени.

Скоро половина домов в городе пылала. Чёрные клубы взвивались в небо, горестный вопль ракшаси повис над столицей.

Не успели Раване доложить о случившемся, как Хануман уже

достиг городской стены, перебрался через неё, перебежал поле и очутился на берегу океана.

Там он снова начал расти, стал огромный, как гора, присел, оттолкнулся и прыгнул изо всех сил, простирая руки в сторону материка. Толчок его был столь силен, что ракшасы, выбежавшие из городских ворот, попадали, а стены Ланки пошатнулись.

Хануман взлетел в небо, пробил головой тучи и помчался над океаном, подобный рыжему пламени.

Подлетая к берегу, он снова уменьшился и плавно опустился на песок у костра, вокруг которого сидели обезьяны, готовые уже оплакивать смерть своего товарища.

— Скорее в путь! — воскликнул Хануман. — Я нашёл Ситу!

С этими словами он поднял над головой драгоценный камень, вручённый ему царевной.

Возвращение Ханумана

Ранним утром, когда столица Страны Обезьян ещё утопала в тумане, стража у городских ворот увидела, что из леса вышло несколько огромных фигур и что великаны направляются к воротам. Подняли тревогу, но туман рассеялся (а ведь именно в тумане предметы кажутся непомерно большими), и все увидели — возвращается отряд Ханумана.

Их проводили во дворец. Там Рама и Сугрива уже с нетерпением ждали посланцев.

— Я выполнил вашу волю, — начал Хануман, обращаясь к Сугриве и Раме. — Я был на Ланке. Сита томится во дворце Раваны, окружённая стражей. В городе много воинов. Сам Равана ни на час не покидает столицу.

— Говорил ли ты с ней? — воскликнул Рама. — Видел ли ты её?

Вместо ответа Хануман протянул ему камень. Долго и безмолвно держал его в руках царевич Айодхьи.

— Теперь можно выступать! — сказал, прерывая его молчание, Лакшмана.

— Можно выступать, — как эхо откликнулся Рама.

— Сколько ворот в стенах Ланки, Хануман? — спросил он.

— Четыре. Одни с севера, одни с юга, одни с востока и одни с запада.

— Мы должны иметь четыре армии, чтобы запереть ракшасов в городе.

— Мои войска уже собраны. Их достаточно. Воины рвутся в бой! — сказал Сугрива.

Когда спала дневная жара, он, Рама, Лакшмана и Хануман, выйдя из городских ворот, стали впереди четырёх армий и повели их на юг, к тому месту, откуда совершил свой удивительный полёт сын Ветра.

Постройка моста

Как пенный коричневый вал, с рёвом и храпом, катилось по лесам воинство Сугривы. Рыжие обезьяны неслись по деревьям, тащились по горным тропам. Дрожала земля. Тучи пыли закрыли солнце. Птицы, испуганные звериным рёвом, молчали в рощах.

Первые отряды достигли берега океана и остановились.

— Я предлагаю построить корабли,— сказал Сугрива.— Неподалёку, близ мыса Коморин живут рыбаки, искусные в сооружении судов.

— Но у нас тысячи и тысячи воинов. Сколько же потребуется кораблей? И как долго мы будем их строить? — возразил ему Лакшмана.— Не забывай, мы должны торопиться. Я предлагаю построить мост.

— Хорошая мысль! — воскликнул Рама, но мудрый Хануман только покачал головой.

И тогда тысячи обезьян стали выворачивать с корнем вековые деревья и отбивать от скал огромные камни и бросать их в воду. Но волны океана уносили дерево за деревом, а камни поглощали, и те, оставляя на поверхности тысячи шипящих пузырей, скрывались в бездонной пучине.

А когда подошла ночь, все увидели, что после дня работы на поверхности океана не видно ничего.

— Коварная стихия! — воскликнул Рама.— Вечно изменчивый и непостоянный Океан! Ты встал на моём пути. Завтра на рассвете я выжгу тебя раскалёнными стрелами, а наше войско, Сугрива и Хануман, перейдёт на Ланку посуху!

С этими словами он завернулся в плащ, лёг на песок и заснул.

Но когда в чёрном небе зажглись голубые созвездия и зелёный лунный диск встал над землёю, к нему во сне явился сам бог Океана и произнёс:

«О, Рама, сокрушитель врагов и друг победы! Когда-то, в давние времена наши предки были большими друзьями. Легенда даже гласит, что в наших жилах течёт общая кровь. Забудь о своём безумном решении выжечь раскалёнными стрелами мою воду. Сделаем так. В твоём войске есть обезьяны, искусные в плетении веток, и другие, которым ничего не стоит сложить из камней гору. Едва только солнце взойдёт на небо, пусть они снова выходят на берег моря и снова принимаются за работу. Но теперь мои воды поддержат мост, и он будет построен прежде, чем солнце уйдёт на отдых».

Так сказал Океан, и на этом сон кончился.

Когда восточный край неба начал алеть, Рама проснулся, подошёл к берегу и бросил в воду камень. И на глазах поражённых Лакшманы, Сугривы и Ханумана камень не утонул, а остался плавать, не погружаясь и не двигаясь вместе с течением.

И тогда обезьяны с рёвом и криками радости стали швырять в воду стволы деревьев, сплетать их ветки, сыпать поверх камни. И мост, прямой, как копьё, устремлённое в грудь Ланки, стал расти час за часом. Когда он был закончен, тысячные отряды устремились по нему, как поток.

Поражённые, смотрели со стен Ланки на приближающуюся армию Равана и его воины.

— Как же нам победить Раму, если даже Океан склонился перед ним? Горе нам! — воскликнул один из ракшасов.

Но Равана, уверенный в своём бессмертии, только расхохотался. Он стоял на белокаменной стене города и смеялся, забыв, что, испрашивая у богов неуязвимость, назвал врагами только небожителей и зверей, а что Рама всего лишь простой человек, такой же, как последний пастух или прачка.

Равана снова приходит к Сите

И всё-таки, вернувшись во дворец, жестокий ракшас задумался. Одно дело вступить в бой из-за жены, и совсем другое — вести кровавую битву из-за непокорной, готовой вот-вот умереть упрямыцы.

«Ты сама обрекаешь меня на обман и жестокость!» — мысленно обратился он к Сите и приказал привести искусного мага, способного силой волшебства создавать людей и оружие.

— Ты звал меня? — спросил маг, появляясь в покоях у Раваны.

— Мудрец! — обратился к нему ракшас. — Все знают, что твоё искусство удивительно. Ты можешь создать из песка птицу, а из птичьего крыла — меч. Я приказываю тебе создать из воздуха голову моего злейшего врага Рамы, а кроме того, сотворить из сухой палки его лук, а из перьев козодоя — стрелы, такие, которые бы ничем не отличались от тех, которыми владеет Рама.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил маг.

Он отступил на один шаг, зачерпнул ладонями воздух, прошептал слова волшебного заклинания мантры, и в руках у него появилась голова, которую даже отец Рамы не смог бы отличить от головы сына. Затем маг приказал принести себе из сада сухую палку и пучок перьев козодоя. Приняв их из рук слуги, он снова прошептал волшебные слова и бросил на пол перед Раваной лук и стрелы, точно такие, как те, что носил Рама.

— Я сделал так, как ты приказал, — сказал маг. — Но только помни: сила волшебства, которым созданы голова, лук и стрелы, рождена твоим желанием, Равана! Пока ты держишь их в руках, сердцем стремишься к Сите, а умом боишься Рамы — они существуют, но стоит тебе выпустить их из ладоней, забыть о Сите и перестать бояться — они исчезнут.

— Хорошо! — сказал ракшас, поднял с пола голову, стрелы, лук и тяжёлым шагом направился в ашоковый сад.

По пути он приказал слугам принести горсть пыли с площади

и чашку с кровью только что убитого гепарда. Он посыпал пылью и побрызгал кровью голову, лук и стрелы, и они стали выглядеть так, будто их только что подобрали на поле жестокого сражения.

Войдя в сад, Равана отыскал Ситу, но не приблизился к ней, а став за кустом, сказал, пряча за спиной ношу.

— О, своенравная и гордая женщина! — сказал он. — Для чего ты упрямисься и не соглашаешься на мои просьбы? Неужели ты не знаешь, что по обычаям вашей страны женщину, побывавшую в чужом доме, муж никогда не возьмёт снова в жёны? Ты живёшь в моём дворце уже скоро год, и даже простой народ не простит Раме, если он нарушит этот закон.

— Зависть к Раме ослепила тебя, ракшас, — ответила ему Сита. — Ты забыл, что по тем же законам огонь очищает всякого, и неужели ты думаешь, что я убоюсь войти в него, чтобы снова соединиться с Рамой?

— Безумная, — воскликнул Равана, — ты сама обрекаешь близких своих на муки и смерть! Так знай: сегодня Рама прибыл с войском обезьян под стены Ланки. Только что закончилась битва, в которой мои ракшасы обратили обезьян в бегство. Вместе с ними бежал, теряя оружие, Лакшмана, бояться которого ты так уговаривала меня...

— Он бежал?! — воскликнула, восторженно, Сита. — Тогда что же ты не говоришь ничего о моём супруге? Что стало с Рамой? Почему ты стоишь за кустом, пряча что-то за спиной?

И тогда Равана вышел из-за куста и протянул Сите голову Рамы.

Как смерть побледнела Сита и долго без слов всматривалась в дорогие черты мужа.

— Да, это его лук и стрелы, — прошептала она наконец. — Значит, Рама погиб...

Но тут гордая кровь царицы вновь прилила к её щекам, и Сита, пылая от гнева, воскликнула:

— Ты думаешь, Равана, что смерть Рамы изменит моё решение? Ты добился только одного — я умру сейчас. Ты этого хотел?

Но Равана не успел ей ответить. За стенами дворца загрохотали барабаны и раздался топот тысяч ног, обутой в боевые сандалии.

— Мы ждём тебя, Равана! Веди нас! — раздались голоса ракшасов.

И Равана, охваченный гневом, вскричал:

— Я убью Раму!

Он швырнул к ногам Ситы голову, лук, стрелы и, ломая кусты, бросился из сада.

Но едва только он выпустил их из рук, голова исчезла, а на дорожку посыпались перья и упала сухая палка.

— Какой низкий обман! — воскликнула Сита.

Она позвала служанок и приказала им взобраться на стену, окружавшую сад.

— Что вы видите? — спрашивала она. — Что это за грохот? Что творится за стенами города?

— Мы видим на улицах наших воинов, — отвечали ракшасы, — в океане видим мост и обезьян, которые, как поток, текут по нему.

— Не видите ли вы среди обезьян людей?

— Видим, но их всего двое. Они в плащах из древесной коры, а их колчаны набиты горящими, как огонь, стрелами.

— Это идут Рама и Лакшмана! — воскликнула Сита. — Хвала небу: Равана солгал — битвы ещё не было.

Начало великой битвы

Две армии, два полчища — тысячи ракшасов, предводительствуемые Раваной, и десятки тысяч обезьян с Сугривой во главе, — бряцая оружием и издавая нетерпеливые крики, стояли друг против друга. А на небе бог смерти Яма и многорукая богиня зла Кали, раздвинув облака, с нетерпением ждали, когда начнётся битва.

И она началась.

Сомкнутым строем двинулись обезьяны на приступ стен Ланки. Но дорогу им преградило воинство Раваны. Грохот пронёсся над землёй: столкнулись тысячи щитов, десятки копий ударили в панцири, сотни тысяч стрел с визгом впились в кольчуги.

Жёлтый обезьяний поток налетел на чёрную стену ракшасов, остановился, рассыпался на ручейки, разлетелся брызгами. Зазвенели мечи. Мчались колесницы, запряжённые быстрыми конями. Ливни дротиков понеслись над землёй. Словно разъярённые слоны, шли воины друг на друга.

Если падал пронзённый мечом полководец и его отряд оставался без вожака, на место погибшего вставал другой, и воины снова обретали мужество.

Но впереди обезьян сражались Рама и Лакшмана. Ливни стрел обрушивали они на врагов, и ракшасы падали на поле, как скошенная трава.

Вот уже дрогнули их ряды, и глотки обезьян исторгнули тысячеголосый крик радости. Ракшасы стали отступать. Напрасно Равана метал дротики и разил обезьян палицей. Что мог поделать он один против тысяч?

Кумбкахарны и его первая битва с Лакшманой

И тогда, видя, что победа готова отвернуться от него, Равана решил позвать на помощь своего брата Кумбкахарны. Посланные им ракшасы бросились назад в город, вышли потайным ходом и устремились к горам, где в одной из пещер спал уже пять лет брат Раваны.

Они приблизились к горе и увидели, что трава у входа в подземелье колышется. Могучий ветер то вырывался из пещеры, то вновь устремлялся в неё. Держась за каменные стены и освещая себе дорогу факелами, посланцы вошли в пещеру и увидели зрелище, которое лишило их дара речи. Посреди огромного зала, свод которого терялся в темноте, лежал великан, а вокруг него стояли блюда с зажаренными оленями и кабанами, а также бочки с вином и водой.

— Что это, слон, похожий на человека, или человек, которого нельзя отличить от слона? — в ужасе стали спрашивать, придя

в себя, посланцы. — Не убьёт ли он нас во гневе, если мы нарушим его сон?

Но как ни велик был их ужас, они не посмели не выполнить приказа Раваны и принялись будить великана.

Сперва они щекотали ему копьями в носу, потом вонзали стрелы в пятки. Затем, видя, что исполин не просыпается, стали шуметь, бить в барабаны, кричать, а в конце концов привели молодого слона и пустили его бегать по животу великана.

Но Кумбкахарны даже не заметил этого. Он захрапел ещё сильнее, и ракшасы, увидев, что нет на свете силы, которая могла бы разбудить его, понуря головы, собрались было покинуть пещеру. Как вдруг Кумбкахарны пошевелился, перевернулся со спины на бок, открыл один глаз и зевнул: истекло пять лет сна, великан проснулся, чтобы поесть.

Не обращая внимания на ракшасов, исполин потянулся, громоздочно икнул, сел и, схватив обеими руками зажаренную кабанью тушу, отправил её в рот. Так он уничтожил двести оленей и пятьсот кабанов, выпил сорок бочек воды и вина и был готов снова упасть на спину и храпеть, как вдруг в тусклом свете факелов увидел воинов, в ужасе столпившихся вдоль стен.

— Что надо вам, ракшасы? — хриплым голосом спросил он.

— О великий и несокрушимый Кумбкахарны, мы пришли по велению твоего брата Раваны, — отвечал старший из посланцев. — Страшная беда обрушилась на Ланку. Непобедимые в боях воины Рама и Лакшмана с полчищем обезьян напали на нас, чтобы разрушить город и отнять у твоего брата любимую жену Ситу. Равана ждёт тебя. Если ты не придёшь, Ланка падёт, а твой брат погибнет.

Кумбкахарны был жесток и глуп и, хотя он прекрасно знал, что никогда у его брата не было жены Ситы, огонь ненависти запылал в его сердце. Он вскочил и, задев головой свод пещеры, направился к выходу.

В одной руке он нёс меч, а в другой копье, отравленное змеиным ядом. Железные доспехи гремели на нём, земля прогибалась

под каменными сандалиями, реки выливались из берегов, когда великан переходил их вброд, вершины гор содрогались, когда он задевал их.

Воины Раваны послушно бежали следом.

— Отчего это чёрные тучи сгустились и опустились так низко? — шёпотом спрашивали они друг друга. — Смотрите: синие вороны каркают, кружась над Кумбкахарны, а шакалы хрипло лают...

В это время затянутое облаками небо прорезала огненная стрела: небесный камень, пущенный руками богов, пронёсся над Ланкой и упал в море, вызвав огромные волны.

— Быть беде! — решили ракшасы.

Но великан шёл, не обращая внимания на зловещие приметы. Он перемахнул через горы, окружающие Ланку, и очутился перед городскими стенами.

Воплями радости встретило его появление войско. Сам Равана поспешил навстречу.

— Я не вижу твоих врагов, — сказал ему Кумбкахарны, свирепо вращая глазами. — Где эти братья, пришедшие с севера? Сейчас я уничтожу их по одному.

И тогда из лагеря вышел Лакшмана и, не таясь, стал приближаться к великану. В руке его был только дротик. Он шёл на исполина с открытой грудью, не прикрыв голову шлемом.

Кумбкахарны двинулся ему навстречу. Обе армии затаили дыхание. Начался бой.

Кумбкахарны поднял меч и первым нанёс удар. Ловким движением Лакшмана отразил его и сам метнул дротик. Великан швырнул навстречу дротику меч, они столкнулись и, звеня, упали в траву. Тогда Лакшмана вырвал из земли огромное дерево и, размахнувшись, ударил им великана. Тот зашатался, но собрал силы и метнул в Лакшману копье.

Лакшмана со смехом уклонился и только кончик копья задел, пролетая, его руку.

— Какая пустяковая царапина! — крикнул Лакшмана. — Ты

плохо целишься, ракшас! А теперь берегись! — И он нагнулся, чтобы поднять громадный камень и нанести им решающий удар великану.

Но камень, который он начал так легко поднимать, вдруг стал тяжелеть и наконец сделался тяжелее горы. Он выскользнул из рук воина. Ноги Лакшмана подкосились, он без сил опустился на землю.

Радостный вой вырвался из груди Кумбкахарны — ведь копьё было отравлено. И крики всех воинов, собравшихся на поле, ответили ему: радостные — это кричали ракшасы, и печальные — это в ужасе восклицали воины Сугривы.

Сам Рама выбежал на поле и опустился на колени рядом с братом. Он перенёс его в лагерь, расстелил на земле плащ и положил на него Лакшману.

Полуденное солнце, взглянув на эту картину, печально закрылось облаком.

Подвиг Ханумана

Сражённый копьём ракшаса, Лакшмана лежал на плаще. Глаза его были закрыты, дыхание еле слышно. Яд, которым был смазан наконечник копья, растекался по телу. Рана раскрылась.

— О, Лакшмана, брат мой! — воскликнул Рама. — Почему я не отговорил тебя от опасного похода? Почему не вышел вместо тебя против ужасного Кумбкахарны?.. Сугрива, прикажи своим воинам разыскать на Ланке самых искусных врачей, пусть они осмотрят моего брата!

Сорок самых искусных врачей тотчас были доставлены обезьянами из разных концов Ланки. Они осмотрели Лакшману, и каждый покачал головой. Что может спасти от змеиного яда, проникшего в сердце? И только один, самый старый врач, всю жизнь проживший в лесах, подумав, сказал:

— Есть только одно средство. У северных границ Индии, в

Гималаях, там, где земля касается неба, есть гора. На вершине её растёт много трав. Эту гору легко узнать — она стоит особняком. Травы, растущие на ней, все целебны, и среди них есть такая, которая одна способна выгнать яд из сердца воина. Трава эта очень редкая, и женщины, которых посылают собирать её, часами ползают на коленях, раздвигая руками стебли. Но торопитесь: человек, поражённый ядовитым копьём, умирает, не пережив первого заката. Осталось всего полдня.

— Целых полдня! Разве это мало? — воскликнул доблестный Хануман.

Он взмыл в воздух и устремился на север. Он мчался, как стрела, со свистом прорезая облака, то взмывая выше гор, то опускаясь к самой земле.

Он летел, поглядывая на солнце, которое величественно и невозмутимо двигалось, оставив позади зенит.

Но Гималаи так далеко от Ланки, что даже Хануман не скоро добрался до них. Был уже вечер, когда он достиг предгорий и увидел стоящую отдельно гору. Солнце уже склонилось к горизонту, и длинные голубые тени ползли по земле. Хануман опустился на вершину горы, стал на колени и начал торопливо искать волшебную траву. Он перебирал пальцами стебли, наклонялся к самой земле, но ночь наступала быстро, и он понял, что не успеет. Тогда могучая обезьяна поднялась во весь рост, чудовищно увеличилась в размерах, обхватила руками гору, издала долгий тоскливый крик и, присев, вырвала гору из земли. Держа её у груди, как ребёнка, Хануман поднялся в воздух и пустился по закатному небу в обратный путь.

— О ты, Ветер, гонящий тучи! — молвил Хануман. — Леса и океан боятся твоего могучего дыхания. Ты видишь, отец мой, скоро солнце скроется за горизонтом. Помоги мне достичь Ланки раньше, чем мрак упадёт на землю!

И бог ветра снова внял мольбам своего сына. Могучий вихрь зародился в ущельях гор, подхватил Ханумана и с невероятной быстротой помчал его.

Тысячи обезьян, облепив холмы и вершины деревьев, с тревогой всматривались в небо: не мелькнёт ли в нём тень возвращающегося героя?

Сам Рама с нетерпением и ужасом смотрел туда, где у самого горизонта уже заблестели в жёлтом небе семь звёзд северного ковша.

Врачи то и дело наклонялись к груди умирающего, прислушиваясь, как угасает его дыхание.

И вот последние лучи уходящего дня окрасили кровью западный край неба.

— Горе мне! — прошептал Рама. — Мой брат сейчас покинет нас...

И вдруг светлая тень прочертила темнеющее небо, земля задрожала от ветра, и огромная обезьяна, испуская призывные крики, опустилась у ног Лакшманы. Хануман бережно поставил на землю гору и сказал:

— Торопитесь!

И тогда старый врач, проживший половину жизни в лесах, подбежал к горе, торопливо нашёл на её вершине целебную траву, сорвал её и приложил к разверстой ране. И на глазах поражённых воинов края раны дрогнули и стали закрываться. Синева сбежала с лица раненого, он вздохнул полной грудью, пошевелинулся и открыл глаза.

— Хвала богам! — воскликнул Рама. — Мой брат будет жить!

Вторая битва Лакшманы с Кумбкахарны

Прошла ночь. Утром, видя, что Лакшмана почувствовал себя снова крепким, Рама сказал:

— Я иду на поле битвы отомстить за твою рану, брат мой!

— О нет! — ответил Лакшмана. — Оставь это мне, иначе получится, что великан победил меня.

И он, натянув кольчугу и шлем, вооружился луком и стрелами и вновь вышел на поле.

Увидя его, затихли и полчища обезьян на холмах, и полки ракшасов под стенами города.

— Кумбкахарны! Я снова здесь, я жду тебя! — провозгласил Лакшмана.

Тут же одна из башен города покачнулась, потому что на неё легла огромная волосатая рука, и из-за башни показались голова и плечи Кумбкахарны. Великан перешагнул через стену и, приминая землю, направился к Лакшмане.

И тогда солнце поднялось повыше, чтобы лучше видеть поединок героев. И птицы взлетели на вершины белоцветной лесной яблони бильвы, и звери вышли из леса, чтобы стать свидетелями битвы.

И вновь Кумбкахарны поднял своё отравленное копьё и, прицелившись, метнул его в грудь Лакшманы. Но на этот раз брат Рамы был проворнее, он уклонился, и копьё со свистом пролетело мимо. Оно упало посреди леса, и тотчас из того места, где оно вонзилось в землю, забил ядовитый источник; подрезанные под корень, рухнули деревья, пожухла, свернулась и почернела трава, на месте прекрасного леса возникло болото, и над ним поднялся ядовитый туман.

И снова метнул свой дротик Лакшмана, и он, просвистев, отрезал кончик уха у великана.

Взревел Кумбкахарны, стал вырывать из земли деревья и метать их в Лакшману. Чёрной тучей, осыпая поле землёй и листьями, неслись они. Но навстречу им уже устремились стрелы героя.

Они мчались подобно потоку, разбивая в щепки деревья. И вдруг Лакшмана, опустив руку в колчан, почувствовал, что он пуст. Последняя стрела умчалась навстречу великану.

Увидев это, Кумбкахарны отделил от горы огромную скалу и, взвалив её на плечи, пошёл к Лакшмане. Он шёл, и ноги его от страшной тяжести вязли в земле.

— Сейчас он обрушит на него скалу! — горестно закричали обезьяны. — Горе нам, второй раз смерть приближается к Лакшмане!

Но это увидел преданный Хануман. Быстрее ветра метнулся он к Раме, взял у того из колчана стрелу с тонким и острым наконечником и, пролетев над полем, вложил её в руку героя.

И едва только Кумбкахарны, приблизившись, поднял над головой чудовищный камень, как стрела, слетев с тетивы, прорезала воздух и со звуком, подобным вскрику ночной птицы,

вонзилась в грудь великана. Пошатнулся Кумбкахарны, издал рёв, низкий и ужасный, как рёв раненого слона, и рухнул на землю. И земля, не выдержав двойной тяжести, со стоном раскололась и поглотила и скалу и сильнейшего из ракшасов.

Тогда затряслись мостовые Ланки, задрожали стены и из ворот выехала колесница, запряжённая зелёными лошадьми. В ней позади возницы стоял во весь рост десятиглавый, двадцатирукий Равана.

Битва Раваны с Рамой

Зелёные кони остановились посреди поля. И тогда обезьянье войско расступилось, и на поле выехала колесница Рамы. Коня, запряжённые в неё, были цвета утренней зари, а колесница светилась серебром.

— Посмотри на эти белые стены в последний раз! — проревел, обращаясь к сопернику, Равана. — За ними мой дворец, а в глубине его сад, в котором ждёт окончания битвы Сита — та, прекрасней которой не видела Ланка. Ты будешь убит, и она станет моей. Я сказал.

И он натянул лук и пустил стрелу, тяжёлую, подобно стволу пальмы.

С рёвом понеслась она к Рама, но воин расколол её в полёте дождём своих стрел и обрушил этот дождь на испуганных ракшасов.

И тогда оба тронули с места коней и понеслись навстречу друг другу. Колесницы столкнулись, как горы, — грохот разнёсся над землёй, ему ответил гром с неба. Высеченные искры, как молнии, воспламенили лес и холмы.

Так, в дыму и грохоте, при кликах тысяч и тысяч ракшасов, при визге обезьян и их рёве началась эта великая битва. С утра до полудня бились Равана и Рама. Колесницы их рассыпались, разбитые при столкновениях, и каждый раз возницы выкатывали новые. Наконец войны спешили. В колчане Раваны кончились стрелы, и он стал метать в Раму каменные глыбы. Словно чёрные тучи, гонимые ветром, неслись они по небу, и каждый раз Рама разбивал их или увёртывался.

Тогда сто ракшасов принесли Раване из дворца его любимое копьё. Он метнул его. Словно молния, вспыхнуло оно в небе, тревожный, тоскливый звон наполнил всё поле. С ужасом смотрели воины на это чудо. Летящее копьё поднималось всё выше, и, сгибая колени, валились, не в силах видеть и слышать его, обезьяны.

— Что это за копьё? Уж не сам ли бог смерти Яма летит вместе с ним? — спрашивали они друг друга.

Тогда преданный Хануман, подобно сухому листу, увлекаемому ветром, взвился в воздух, догнал копьё и увидел, что вместо наконечника у него сверкающий трезубец, а по бокам — медные колокола, ревушие от ветра.

— Берегись, Рама! — крикнул с неба Хануман. — Оно сейчас обрушится на тебя! Торопись!

Поднял Рама свой колчан и достал две стрелы. Первую, оперённую огнём, он пустил в небо, вторую, с наконечником, тяжёлым, как лезвие топора, — в Равану.

Первая стрела догнала копьё и вонзилась в него. Охваченное огнём, копьё вспыхнуло и чёрным пеплом опустилось на землю.

Вторая стрела ударила в каменный панцирь Раваны. Тот с глухим стоном лопнул и рухнул грудой камней на землю.

И тогда Рама достал третью стрелу, стрелу, завещанную ему Агастьей. На конце её сверкал алмазный наконечник, тонкий, как змеиное жало. Рама натянул лук. Прозвенела тетива. Подобно светлomu лучу, пронзила стрела воздух. Она впиалась в грудь великана, нашла его сердце и ужалила его. Равана ахнул и повалился, подминая под себя деревья.

Долгий стон, который он издал, перелетел океан и сообщил всем людям, что самый могучий из ракшасов умер.

Тогда армия Сугривы с визгом и криками, потрясая копьями и палицами, кинулась на последний штурм Ланки. И ракшасы в ужасе бросились бежать, потому что впереди обезьян шли Рама и Лакшмана, а в воздухе, оглашая поле победными криками, летел торжествующий Хануман.

Конец истории Рамы и Ситы

По улицам, покрытым, как ковром, телами ракшасов, вступили в Ланку Рама и его товарищи.

— Но где же Сита? — повторял Рама, оглядывая пустынные дворцы.

Тогда Хануман, взлетев, помчался туда, где за каменной стеной в ашоковом саду прекрасная Сита с ужасом прислушивалась к тишине, которая сменила грохот сражения.

— Твой супруг ждёт тебя, госпожа! — сказала летающая обезьяна, низко склоняясь перед Ситой. — Идём!

Печальным был путь прекрасной царевны через улицы поверженной Ланки. Жители с ужасом показывали на неё.

— Смотрите, — говорили они, — вот идёт та, из-за которой разрушен наш город и убиты тысячи тысяч. Это из-за неё стал безумным Равана, самый жестокий из правителей!

Слыша эти речи, Сита всё ниже опускала голову, и, когда Рама, увидя её, бросился навстречу, жестом остановила его.

— О супруг мой! — сказала она. — Я виновата перед тобой и перед народом трёх царств — людей, обезьян и ракшасов. Страсть, внушённая мною Раване, обернулась небывалой бедой. Да и обычай не позволяет тебе коснуться меня после того, как я была во дворце ракшаса. Только всеочищающий огонь, быть может, вновь соединит нас.

И она повелела слугам развести на площади перед дворцом большой костёр.

Молча отправились те в лес и принесли оттуда вязанки ароматного самшита и тонкие ветви бимбы. Они сложили их грудой перед дворцом, и Сита, попросив прощения у людей, возшла на костёр.

Вспыхнул яркий огонь. Багровые языки пламени взметнулись в воздух, чёрные клочья дыма взлетели, как стая ворон. И все, кто был на площади: и оставшиеся в живых ракшасы, и жители окрестных деревень, и косматые обезьяны — все испустили горестный вопль.

Но вдруг пламя и дым разделились — из костра вышел великан в красной одежде. На руках он нёс бесчувственную Ситу.

Это был бог огня. Он сошёл с костра и направился назад, пламя сомкнулось вновь, огромный клуб чёрного дыма вырвался из костра и устремился к небу. Костёр погас.

— Смотрите, она открыла глаза! Она вздохнула! Сита жива и по-прежнему прекрасна, Огонь не коснулся её! — закричали люди. — Хвала Сите!

И тогда счастливый Рама приказал заложить воздушную колесницу Раваны. Держа за руки Ситу, он взошёл на колесницу, рядом стали Лакшмана и Сугрива. Коня взвились в воздух и, провожаемые прощальными криками и визгом обезьян, устремились в обратный путь.

Герои пролетели над океаном и увидели под собой мост, соединивший отныне Ланку с материком, гору, на вершину которой Сита обронила кусок платья, и скалу, около которой погиб в неравной битве мужественный царь ястребов. И всё время впереди колесницы, оглашая воздух радостными кликами, нёсся верный Хануман, похожий сразу и на льва и на птицу.

— Смотрите! — говорили люди, живущие и на самом краю земли, на песчаном жёлтом мысе Коморин, и на плоских красных горах Декана, и на берегах великого мутного Ганга. — Вот несётся по небу колесница великого Рамы. Как светлая луна, сияет рядом с ним прекрасная Сита. А впереди мчится, как туча, ликующий сын Ветра. Смотрите, потому что это летят те, кто долг всегда ставил превыше жизни!

Так Рама вернулся в Айодхью. Старый раджа к тому времени умер, государством правил сын Кайкейи. Но и он, и другие братья беспрекословно отдали престол Раме. Его короновали. Рама простил Кайкейю (её служанки уже не было в живых), и ещё много лет они с Ситой жили и правили страной, ободряя воинов, облегчая труд земледельцев, строго наблюдая за торговцами и сочувствуя бедным.

На этом кончается сказание о Раме, его жене Сите и летающей обезьяне Ханумане. Но история эта столь поучительна, что, как написано в великой книге индийцев «Махабхарате», «одни поэты уже рассказали её, другие рассказывают, а третьи ещё будут рассказывать много раз...»

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Рама и Сита</i>	7
<i>Кайкейя</i>	13
<i>Изгнание Рамы</i>	17
<i>Рассказ о Джатаю — царе ястребов и его брате</i>	20
<i>Встреча с отшельником</i>	23
<i>Похищение Ситы</i>	27
<i>Равана и Сита</i>	33
<i>Битва Джатаю с Раваной</i>	34
<i>Рама и Лакишмана отправляются на поиски Ситы</i>	36
<i>Полёт Раваны с похищенной Ситой</i>	37
<i>Сита на Ланке</i>	40
<i>Рассказ о верной жене Савитри</i>	42
<i>Рама и Лакишмана ищут Ситу</i>	47
<i>Рама возвращает Сугриве царство</i>	49
<i>Хануман достигает Ланки</i>	53
<i>Хануман во дворце</i>	56
<i>Хануман поджигает Ланку</i>	60

<i>Возвращение Ханумана</i>	61
<i>Постройка моста</i>	62
<i>Равана снова приходит к Сите</i>	66
<i>Начало великой битвы</i>	69
<i>Кумбкахарны и его первая битва с Лакшманой</i>	72
<i>Подвиг Ханумана</i>	76
<i>Вторая битва Лакшманы с Кумбкахарны</i>	81
<i>Битва Раваны с Рамой</i>	84
<i>Конец истории Рамы и Ситы</i>	88

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СКАЗАНИЕ О РАМЕ, СИТЕ И ЛЕТАЮЩЕЙ ОБЕЗЬЯНЕ ХАНУМАНЕ

ИБ № 8175

Ответственный редактор

К. Д. АРОН

Художественный редактор

О. К. КОНДАКОВА

Технический редактор

Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры

Г. Ю. ЖИЛЬЦОВА и Т. А. СТАДОЛЬНИКОВА

Сдано в набор 19.03.85. Подписано к печати 12.12.85. Формат 60×90¹/₈. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отг. 51,0. Уч.-изд. л. 7,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 882. Цена 1 р. 30 к. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суэцевский вал, 49.

1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»